

№ 63 (41) МАРКО БОГАТЫЙ

Жил-был Марко Богатый. У Марко Богатого не было детей. А потом жана забеременела. В этого Марко Богатого жил работник, Иван Пятрович, двадцать пять лет. Марко Богатому захотелось через ряку построить мост людям: не было мосту, мучались люди, ня знают, как... ни весной, ни зимой, ни летом. Этот Марко Богатый построил мост и говорит:

– Иван Пятрович, сходи-ка под мост, послушай, что люди говорят: помолют ли оны за мяня Боуу-то, что я такую благодать им сделал?

Ну, Иван Пятрович пошёл. Сидит. Люди идут, Богу молют, здоровья жалают. Вдруг слятелися ангелы и Христос. Ангелы и говорят:

– Свет Христос! Марко Богатый всим щчастьем наделённый, а тяперь чым вы надялите?

А он говорит:

– А вот тяперь, чым надялю. В их не было детей, а тяперь жана забеременела, будет в их сын. Этот сын (назовём яго Малый Юнош), этот Малый Юнош что ни спросит в Бога, выйдет на чатыре стороны, перякрестится, что: «Создай, Господи!» – в эту ж минуту, не успеет оглянуться, как всё яму уже ёстя.

Ну, этот Иван Пятрович всё выслушал, пришёл домой, ну и говорит, что:

– Кто Богу помолит, кто скажет спасибо!

И всё.

Марко Богатому надо ехать куда-то в командировку, а жана должна вот-вот родить. Он и говорит:

– Иван Пятрович! Вы уж присмотрите за жаной-то, помош ей окажите, когда понадобится!

– Будьте в спокойе: всё будя хорошо!

Ну, вдруг жана рожает. (А раньше ж было ни етых, как сказать, ни скорых, больницы далече. А были бабки* деревенские.) И он к бабкам не заявился, что: «Помогите Марко Богатому жаны», сам распорядился. Она родила мальчыка. Что он сделал? Зарезал шчанёнка (сучка шчанивши была), зарезал шчанёнка, намазал губы кровью этой женшшыны, руки по

локоть, мальчика этого запрятал, куда там он мог, собрал весь народ как бы судить о ну. Ну, и судьи осудили: живой глаза выкопать*, живую в землю положить! Так и сделали.

Приехал Марк Богатый, встрячает яго Иван Пятрович.

– Ну, как, Иван Пятрович? Что-то моё сердце чуяло нядоброе!

– А, Марк Богатый! Вот так-то и так: жана-то заела мальчика!

Мальчык народился, и она заела.

– Ну, как же это так?

– А вот так!

– Какой позор! – ему плохо стало, Марко Богатому.

Ну что? Пожил Иван Пятрович три дня и говорит:

– Марк! Мне надо расчот взять. Я не могу: я такое нагляделся, я в вас больше жить не могу!

Робёнка-то он отвёз уже в соседнюю дярвеню. Дал золота, дал денег, раз сам хозяин во всём: «Ну, вот спялэговайте* до моёго приезда!» Ну, и воспялэгут* яго.

Ну что? Марко Богатый поплакал-поплакал, потужил-потужил:

– При таком-то горе! Иван Пятрович! Двадцать пять год отслужил, а при таком горе мяня хочышь оставить!

– Узжаю! Не рассчитаете, я так поеду.

Ну, что? Марк Богатый яго наградил всякой всячыной: и золота, и денег, и яды всячыны дал.

Ну, приехал [Иван Пятрович], забрал Малого Юноша, поехали. Малый Юнош растё не по дням, не по часам, а по минуткам. Малый Юнош уже вон куда поднёлся, покуль яго не было! Едут-едут, приехали к одной дярвене. Захотели есть. Поели, попили, опять поехали.

Ну, долго ль, мало проехали до явонной дярвени, где он жил, до сяла. В этом сяле жил богатый. Этот богатый – ня меньше богатства, чым у Марка Богатого, было. В этого богатого б́ыла дочка Настя. Эта дочка ни с ким ня зналася, не дружила ни с ким, никуда не ходила. Вдруг этот Иван Пятрович появился и говорит:

– Малый Юнош! Пойдём на Божью волю, перекрестись на все чатыре стороны и скажи: «Создай, Господи, Ивану Пятровичу, чтобы в яго дом был лучше, чым в этого богатого!»

Ну, не успел оглянуться, как дом уже построился, и на каждом окне и серябро, и золото облито. Встают, богатый встает: что ж такое это, горит всё вязде от золота да от серебра? А на солнце!

Ну, с этой Настей встретился этот Иван Пятрович. Ну, разок и другой – заявляет на свадьбу, чтобы пожаниться. Она:

– Да вы что? Да я вас ня знаю! Да как это всё случилось?

Он и говорит:

– Ну, тогда я другую найду.

Ну, Насте что делать?

А он этому Малому Юношу тоже сказал, что выйди на Божью волю, попроси, на чатыре стороны перекрестись и скажи: «Господь, создай, Господи, чтобы Настасья была моей матерью!» Ну и что? Она согласилась выйти замуж. Отцу заявила, что я выхожу замуж. Отец проти, ну, она ни в какую: «Пойду замуж, да и всё! Он богачы нас».

Ну, собрал народ на свадьбу. Уязджать к вявцу. А нет нигде ничаго! А Малого Юноша (о)дного оставляют. И говорит:

– Малый Юнош, перябери ты мерку* гороху по сортам! И чтобы на столах всё было, столы накрыты, и самовары кипели!

А он и прозабылся, что надо выйти на улицу да перекреститься-то! Сидит и плача: «Тяперь он меня убьёт! Где ж я всё возьму: ничаго нет, и я один!»

Заходя старичок, сядая бородка, и говорит:

– Малый Юнош, что ты пригорюнился?

– Дедушка! Папа поехал с молодой жаной вявчаться, а мне приказал мерку гороху перябрать, а яго и нету! Столы накрыть, а где ж мне всё взять: и на столы все кушанья поставить, и самовары чтоб кипели!

– Не пчалься, Малый Юнош, всё будет!

Не успел Малый Юнош оглянуться, как всё на столе и мерка гороху перябрáная.

Приехали свáдебные*. Попировали, погуляли. Разъехались все домой. Подходит ночь. Лягли спать молодые, а

Малый Юнош и думает: «Полезу-ка я под кровать: что оны будут говорить?» Он уже всё понимал, как бы и взрослый такой, разумный. Полез под кровать, она [Настя] и говорит:

– Иван Петрович, я ваша жана, вы мой муж, тперь вот вы призналися б мне, как же это всё у вас получылось? Мой отец годам строил, и то ишчо ня то, всё ня так, как яму надо. А вы не успели оглянуться, как в вас уже всё: как царство.

Он:

– Не скажу!

– А не скажешь – я завтра домой уйду!

Ну, что? Яму страшно стало, что жанился, и [жена] уйдёт. Смех будет! Тогда он признаётся, что:

– Жил я у Марко Богатого, родила жана, я взял зарезал пшчанёнка, намазал ей губы, руки по локоть и собрал собрание (как бы сходка по-раньшему), чтобы ону наказывали. Ону наказали: живой глаза выкопать, живую в землю положить. Ну, а я Малого Юноша отвёз в дяревню. Покуда я явился, яго воспялэгали в дяревне. Ну, вот и сказка вся!

Ну, ладно. Мальчык этот всё выслушал, вышел на улицу и говорит: «Создай, Господи, Ивана Петровича псом!» Ня успел оглянуться, как Иван Петрович уже собачкой, псом. Ну, что?

Тройку запрягли, тройку лошадей, этот богатый этому Малому Юношу: отправляют яго [Малого Юноша]. Он подходит к этой Настасье и говорит:

– Ну вот, мама, оставляю всё богатство вам. И вам большое спасибо, что вы мяня выручыли!

И уязжает. Ну, уязжают. Едут, едут, доехали до дяревни. Захотел Малый Юнош покушать. Заехали в одну дяревню, в избу:

– Разряшите покушать!

– Пожалуйста!

– И жарку* в чарёпочку псу!

А хозяин и думает: «Да как же это так: жарку в чарёпочку псу?» Подходя и говорит:

– Малый Юнош, век отживаю, но такого ня видывал и ня слыхывал, чтобы пёс ел жар*!

– А вот я, – говорит, – тоже ня слыхывал и ня видывал, чтобы родная мать заела своёго сына, я тоже ня слыхывал и ня видывал!

А яму старик и отвечает:

– Да вот у нас тута естя такой Марко Богатый. Но он даляко от нас, а слыхи-то ведь идут. Да, жана вот это сделала.

– Ну, вот поетому пёс и жрёт жар!

Ну, поели, попили, отблагодарили – поехали.

Едет-едет опять: ехать даляко! Захотел есть – опять в дярвенно въехал, попросил разряшения, чтобы дали перекусить яму. Опять жаркú в чарёпочку. Опять к яму подходят:

– Малый Юонош, да как же это так? Неужель мы не дадим поесть псу? Как же он жар? Только слюна по губам! А он и говорит:

– Я б тоже дал, у мяня всё естя поесть. А только такое яму и надо есть.

– Малый Юонош, да ня слыхывали и ня видывали такое, чтобы пёс жрал жар!

А он и говорит:

– Я тоже ня слыхывал и ня видывал, а мне уже порядочно год стало, – говорит, – чтобы родная мать заела своёго дятёнка!

А яму отвечают:

– Да в нас недаляко Марко Богатый. Вот яго жана, покуль он был в командировке, его жана родила и заела сына.

– Ну, вот поетому, – говорит, – жар и ист пёс!

Ну, приехали к этому уже Марко Богатому. И проязжает он напролом. Слуги не пускают, а он проязжает напролом. Пёс сзади. Слуги не пускают: «Да что это такое? Какой нявежа! Да что ты это напролом?» А он ни в какую, никого не слушает... Выходит Марко Богатый. Марко Богатый ничаго яму не говорит. Тогда он и говорит:

– Отец! Перекусить, может, дадите?

– Пожалуйста, дадим!

– И жаркú в чарёпочку!

Ну, жарку в чарёпочку награбили*.

– Ну, пёс, жри жар!

Пёс жрёт жар, а он [Марко Богатый] подхоя и говорит:

– Малый Юнош, что ж это такое – собака жар жрёт? Как же это так?

А он и говорит, Марко Богатый:

– Ня слыхывал и ня видывал на своем вяку, чтобы пёс жрал жар!

А Малый Юнош отвячае:

– Отец! Я не слыхывал и ня видывал, чтобы родная мать заела своёго сына!

Отцу и плохо стало, что это в яго такое случивши!

Ну, отца там, как могли, откачали, отцу стало хорошо. Тогда Малый Юнош говорит:

– Отец! Можешь собрать народ на мамину могилку?

Отец и глаза на лоб: что ж такое это: «На мамину могилку!»

Ну, на мамину могилку народ собрался. Пришли – он перекрестился на все чатыре стороны, Малый Юнош:

– Сырая зямля, разройся! Гробовая доска, откройся! Мамушка, встань, такая живая, как ты и б́ыла!

Зямля разрылася, гробовая доска открылася, мамушка встала такая, как и б́ыла: и глаза, и ничэм нерушима. Тогда он опять перекрестился:

– Создай, Господи, чтобы пёс был Иваном Пятровичэм!

Все смотрют: что ж это за кино такое? Иван Пятрович, и мать встала!

Ну, вот. «Живому глаза выкопать, живого в землю положить!» – он [Малый Юнош] так сказал яго. И рассказал всем такое дело, что моей матери намазал губы, руки по локоть, мяня отобрал, щчанёнка зарезал, а мяня отобрал, сказал, что мама заела мяня.

Вот и сказка вся. И я там б́ыла, мёд-пиво п́ила, по усам тьякло, в рот не попадало.